

В ТЕНИ БЕЛОГО
ОЛЕАНДРА

ПИСАТЬ СЧАСТЛИВЫЕ ИСТОРИИ ПОРОЙ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ НЕСЧАСТЛИВЫЕ: ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ГДЕ КАЖДЫЙ БОЛЬШОЙ РОМАН ПОЛОН ТРАГЕДИЙ И ДРАМ, НАГЛЯДНОЕ ТОМУ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ. ТЕМ ЦЕННЕЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ: ХОРОШАЯ КНИГА, ПОЛНАЯ ОПТИМИЗМА И ЛЮБВИ К ЖИЗНИ, НАСТОЯЩАЯ РЕДКОСТЬ. УМЕЛЬЦЕВ, КОТОРЫЕ МОГУТ СОЗДАТЬ СТОЛЬ РЕДКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР, СТОИТ ХОЛИТЬ И ЛЕЛЕЯТЬ. ОДНОЙ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ НЕМНОГОЧИСЛЕННОГО ЛАГЕРЯ «СЧАСТЛИВЦЕВ» ЯВЛЯЕТСЯ **МАША ТРАУБ** – МАМА, ДОЧЬ, ЖЕНА И УСПЕШНАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.

Вы один из немногих хороших писателей в России, которые умеют писать счастливые истории. Как думаете, отчего у нас их такая нехватка?

— У каждого человека своя мера счастья и несчастья. И речь даже не об оптимистах и пессимистах. Одна и та же ситуация для одного может обернуться трагедией, а другой даже не заметит никаких проблем. Меня как-то поразил разговор с одной женщиной. Ее дочь тяжело переживала развод, и я искренне сказала, что очень сочувствую. Женщина была удивлена: «Почему вы сочувствуете? Это ведь работа души!» Так что я уже ничего не понимаю ни про счастье, ни про несчастье.

— Ваши произведения нередко автобиографичны. Как к вашим текстам относятся прототипы героев?

— Прототипы себя никогда не узнают, зато совершенно посторонние, малознакомые и незнакомые мне люди считают, что я «списала» их историю, даже имена героев верные указала. Я пишу не о себе, а о нас — своем поколении женщин. «Узнавание» персонажей для меня комплимент: значит, я чувствую своих читательниц. У каждой найдется своя тетя Света или свой дядя Петя. Каждая пережила проблемы с собственной матерью. Каждая хочет найти любовь и стремится понять, стоит ли сохранить брак, или уже нет смысла за него держаться. Мы все озабочены проблемами с детьми — младенцы они или уже подростки. Я не пишу автобиографию, а рассказываю истории.

— Случалось ли вам написать такой хороший текст, что вы сами какое-то время спустя, перечитывая, говорили: «Боже, как отлично написано!»?

Кстати, какие у вас отношения с редакторами книг? Даете править свои тексты или считаете, что автору виднее?

— Вот чего во мне нет — так это самолюбования. Это чувство мне заменяет самоирония. Я себя не перечитываю никогда, только если ищу нужный рассказ для сборника. Восхищаться собственным творчеством — это ненормально, это к психиатру. Нормальное состояние для автора — переписать, переделать, все выбросить и написать заново. Я вообще наплеватьски отношусь к собственным текстам — не держусь ни за одну букву. Мой редактор, прекрасно зная мою склонность к тому, чтобы все «убить» и написать заново, раньше просила меня присылать ей рукописи «на хранение».

Редактор, кстати, главный человек для автора, в моем случае точно. Я работаю с Юлией Моисеевной Раутборт, моим первым и неизменным редактором, почти пятнадцать лет. Именно она когда-то «выловила» мою первую рукопись из самотека и, исходя из каких-то соображений, решила, что у меня длинная писательская судьба. Когда Юлия Моисеевна переходила из одного издательства в другое,

— Три причины, почему не стоит заниматься литературой?

— Это тяжело психологически: всю себя нужно отдавать в тексты и скрести ложкой по подкорке головного мозга. Нужно обладать изрядным цинизмом и сразу понять, что розовые очки вам не к лицу. Ну и всегда найдется человек, который сочтет, что вы занимаетесь ерундой, а не «нормальной работой».

— Три причины, почему все-таки стоит попробовать свои силы в литературе?

— Это способ понять собственные силы и возможности. Для меня это шанс заниматься профессией без отрыва от семьи. И главное — сохранить молодость. Классиками при жизни не становятся. И достичь потолка тоже невозможно, потому что его не существует.

я ушла за ней. Для меня она не просто редактор, а близкий человек, который знает, как устроены мой мозг и моя душа. Это даже больше, чем врач, и иногда ближе, чем муж. Редактору я доверяю безоговорочно, больше, чем себе, уж точно. Я часто шучу, что если она уйдет в издательство, которое выпускает книги про сельское хозяйство, я уйду за ней и буду писать про комбайнеров, например.

— Расскажите о круге своего чтения: что любите читать регулярно, к каким авторам возвращаетесь, какие недавние книги вам запомнились, почему? И еще интересно, каких авторов вы принципиально избегаете?

— Мой круг чтения очень странный и хаотичный. Недавно вернулась из командировки, и в сумке у меня лежали роман Эмиля Золя и сборник рассказов Василия Аксёнова. Бесконечно могу перечитывать романы Фридриха Горенштейна, пьесы Чехова. Сейчас, кстати, наслаждаюсь письмами Чехова — жене, брату. Очень жаль, что эпистолярный жанр почти умер. Люблю костюмные романы Джейн Остин. Опять же увидела недавно на тумбочке сына сборник Стругацких, стащила и с удовольствием перечитала. Безусловно, я слежу за новинками, будь то романы Александра Архангельского, Дмитрия Быкова, Дины Рубиной или Дениса Драгунского. У меня нет «черного списка» авторов. Это было бы по меньшей мере странно, писатели должны много читать — профессия это подразумевает.

— Часто ли случается писать через силу? Что вообще чаще всего приходится делать «через силу»?

— Да практически все! Я очень ленивая, если честно. Моя бабушка каждое утро встречала строкой из стихотворения Блока, которого очень любила: «И вечный бой! Покой нам только снится». Только она это произносила радостно, с ожиданием нового дня, а я ту же фразу произношу с прямо противоположной интонацией.

— Возникает ли желание поменять свою писательскую карьеру кардинально — вдруг начать писать боевики или мрачные триллеры?

— Боевики и триллеры могу себе позволить писать, просто желания не возникало. А радикальные шаги я уже совершала: ушла «навсегда» из журналистики в домохозяйки. И стала писателем и колумнистом

нескольких ежедневных и еженедельных изданий. До сих пор считаю себя журналистом, веду колонку в журнале «Огонек» и всегда соглашаюсь на предложения бывших коллег — взять интервью, написать репортаж. А так я всегда мечтала завести козу, делать домашний козий сыр, печь хлеб и готовить блюда по старым осетинским рецептам. Еще могу менять обивку на стульях и диванах, выкладывать винтовую лестницу. Так что если бы я и сменила профессию, то на что-то прикладное — шить, вязать, клеить, готовить. Что-то делать руками, а не головой.

— Что вам необходимо для комфортной работы? Если представить идеальный уголок для творчества, каким он будет для вас?

— Этот уголок себе оборудовала. Я работаю на кухне. У меня есть стул, на который никто не садится. На стуле всегда висит плед, который тоже никто не берет. Кухня — мой кабинет. Ноутбук стоит на обеденном столе, а я зажата между батареей и столом. Ноутбук в отвратительном состоянии: я его роняла, цепляясь ногой за провод, крышка почти отваливается, клавиши засыпаны мукой и залиты кофе. Когда делала ремонт, попросила знакомую художницу нарисовать мне на стене дерево или куст. Она в ужасе спросила: «Какой?» Я попросила куст ядовитого олеандра с удивительно красивыми белыми цветами. Можно сказать, я сижу под олеандром. Параллельно что-то готовлю. Домашние ходят и стучат дверцей холодильника в поисках вкусенького, а я не могу писать без этого стука и бульканья в кастрюлях. Тяжело было во время второй беременности, когда я с огромным животом не пролезала в свой закуток и искала себе другое место. Но не нашла, мое место так и осталось на кухне.

— Часто ли получаете советы от близких? Прислушиваетесь ли вы к этим советам, или они раздражают? Какие из них оказались самыми ценными? Кто из родных повлиял на вас сильнее всего как на писателя?

— Мой муж — писатель и журналист. Когда-то он был моим начальником и редактором и до сих пор вычитывает мои рукописи. Его советы — это советы профессионала высокого класса. Так что муж, безусловно, влияет на мое творчество, и я его слушаюсь беспрекословно. Но дело даже не в этом. Я знаю, что я за мужем, за его спиной, он меня поддержит, подскажет, поможет. Мне не страшно. И моя мама. Она очень умный читатель и читает мои книги не как мама, а как посторонний мне человек. И рецензии выдает такие же. Она блестящая рассказчица, и если бы не ее шутки, воспоминания, я бы и половины книг не написала.

— Что вам ближе — деревня или мегаполис?

— Я выросла в северокавказском селе. Муж шутит, что деревню из меня так и не вывели. Предпочитаю рынки магазинам, а венники — пылесосам. Даже отдыхать стараюсь в деревнях, пусть итальянских или греческих. Мне нужен двор, огород, сад, куда я могу выйти. Мне нужны соседи, с которыми я буду перекрикиваться через забор. Я люблю деревенские сплетни — кто с кем поругался, к кому приехала двоюродная тетушка, что сказала чья-то свекровь и что ответила невестка. У меня абсолютно местечковое сознание, где есть место старикам, о которых нужно заботиться, и детям, которых нужно любить.

— Есть ли у вас особые способы борьбы с ленью?

— Нет. Если кто-то придумает механизм, справляющийся с ленью, он получит Нобелевскую премию. Как и человек, который даст рецепт, как правильно воспитывать детей. Методов не

— Как вы относились к литературному труду в первые годы и как относитесь сейчас? Что изменилось в отношении? Что было важно тогда, что сегодня?

— Когда я писала первые повести и рассказы, была легкость. Мне нечего было терять, и я писала «наотмашь» и больше для себя. С годами появилось чувство ответственности, я больше стала работать над текстами. Возможно, из них уходила легкость, но появлялись второй и третий слои. Я вообще люблю «луковые» тексты, когда считаешь кожуру, потом режешь дольками и лук распадается кольцами. Сейчас для меня это очень важно — многослойность повествования. Пятнадцать лет назад больше заботил сюжет.

существует. Никто ничего не хочет делать, просто у кого-то нет возможности лежать на диване и плевать в потолок. Вот у меня такой возможности нет, потому что на мне дом и семья.

— О чем вы думаете, когда нужно вспомнить что-то приятное? Например, сидя в кресле у зубного врача, когда надо отвлечься.

— Я вспоминаю механические действия, например заполнение ведра водой из уличной колонки. Надо было натаскать достаточно воды, чтобы хватило постирать белье, помыться, приготовить. Или вспоминаю, как нужно было молотить кофе на ручной кофемолке. Но сначала прожарить зерна кофе, купленные зелеными, в духовке. Проследить, чтобы не сгорели, и потом перемолоть вручную.

Так же как и кукурузные зерна, чтобы потом испечь мчади — лепешку из кукурузной муки. Еще я вспоминаю, как пропускала выстиранное белье через ручную сушилку — два валика, прикрученные к стиральной машинке, чтобы отжать. И потом вывесить белье на веревке «по росту» — от трусов до пододеяльников. Чтобы было красиво, ровно, а сначала все встряхнуть и растянуть на руках. Вспоминаю, как снимать пенку с кизилового варенья, которое варилось в огромном чане во дворе. И эта пенка — самое вкусное, что было в варенье. Вспоминаю, как мы очищали молодые грецкие орехи от пленки, после чего руки становились такого цвета, будто их смазали йодом, как срывали ягоды тутовника и ходили с фиолетовыми губами. Я всегда вспоминаю детство.

— Если в нескольких словах, как вы объясняете себе причины вашей популярности? Как стать писателем-звездой?

— Я не звезда, это главное. У меня рядом есть люди, которые быстро собьют с моей головы корону. Я много лет составляю буквы в предложения, а предложения в текст. Сначала как журналист, теперь как писатель. Не умею писать «в полноги», как говорят артисты балета. Мои книги — это труд, за который мне не должно быть стыдно. Ни за одну букву.